

Л.П. Дронова

КОНТАМИНАЦИЯ В СЕМАНТИКЕ ДР.-РУС. *ТОСКА*

Статья посвящена проблеме функционально-семантических особенностей лексемы *тоска* и предполагаемых однокорневых образований в древнерусском и русском языках: семантика этого круга лексики оказывается связанный не только с понятиями «пустой, напрасный», но и с понятиями, не соотносящимися с представлением о пустоте. Функциональный и историко-этимологический анализ позволяют предполагать в данном случае контаминацию в семантике производных с корнем *тъск и -тиц-/*тъщ-, вероятно, под влиянием иноязычной модели номинации.

Ключевые слова: контаминация; славянские языки; понятие «тоска».

История вопроса. Лексема *тоска* в современном русском языке однозначно соотносится с обозначением тяжелого гнетущего чувства, душевной тревоги, в разговорной речи может обозначать гнетущую, томительную скуку. Понятие, выражаемое этой лексемой, признано этноспецифичным для русского сознания и не раз привлекало внимание лингвистов, культурологов [1. С. 21–117; 2. С. 117–122 и др.]. С происхождением этого слова как будто нет проблем. Этимологические источники чаще достаточно уверенно, иногда с оговоркой «возможно» связывают историю словообразовательно-этимологических отношений рус. *тоска* (укр. *тоско*, блр. *тоскніць*, др.-рус. *тъска*) и его соответствий в западнославянских языках (чеш. *stesk* ‘тоска’, *teskný* ‘тосклиwyй, зауныwый’, ст.-польск. *teskný* ‘тж’ и др.) с производными корня *тъщ-* (**тъщь* < **тъск-j-*),ср. рус. *тощий, тщета, тщетный* и др. [3. С. 527; 4. С. 446; 5. С. 88; 6. С. 253 и др.]. При таком сближении этимологический словарь старославянского языка предполагает следующее развитие значения: ‘пустой (*prázdný*) → ‘напрасный, тщетный (*marný*)’ → ‘удрученный, унылый, печальный, грустный (*sklíčený, smutný*)’ [7. С. 1008]. Представление о тоске интерпретируется, таким образом, как ощущение пустоты в душе.

Проблема. Словарь П.Я. Черных, поддерживая общую точку зрения на словообразовательно-генетические связи рус. *тоска*, допускает (под вопросом) иное направление развития семантики: «О.-с. **tъska*. И.-е. **tus-sk-*, база **teus-* – “опорожнять, делать пустым, осушать” (Pokorný I, 1085) та же, что в *тощий, тщета, тщательный*. Старшее значение – “давление, теснота” > “ощущение беспомощности”, “волнение” (?)» [6. С. 253].

Вследствие чего возникло второе предположение о направлении развития семантики в словообразовательном гнезде **tъsk-*? Вероятно, на такое решение повлияло неоднозначное употребление слова *тоска* в древнерусских текстах: так, словарь П.Я. Черных, со ссылкой на Истрина, приводит употребление слова *тоска* в Хронике Георгия Амартола в значениях ‘морское волнение, штурм’, ‘теснота’, ‘тяжелое или трудное положение’. При этом в словаре нет никакого объяснения условий возникновения связи понятий «пустота» и «давление, теснота» [Там же. С. 253]. Но еще больше вопросов, не получивших до сих пор ответа, возникает при обращении к семантике предполагаемых однокорневых для слова *тоска* образований.

Семантическая структура др.-рус. *тъска* в текстах древнерусского и более поздних периодов действительно фиксирует наличие связи понятия «тоска» с понятием «стеснение, сдавленность»: наряду со значением ‘горе, печаль’ (*Не бысть милости межи нами, нъ бяше туга и печаль, на уличи скърбь другъ съ другомъ, дома тъска, зряще дѣти плачюще хлѣба, а другая умирающа*. XIII в.) у этого слова отмечены также значения ‘стеснение, притеснение; сдавливание, сжатие’ (...в толику тъску Меле(ти)нию поставшиа, якоже вборзѣ плѣнити ю. XV–XI в.), в более поздних текстах – ‘болезнь, связанная с чувством внутренней сдавленности, сжатия’ (типа *стенокардии*) (*Муж и Дрездорва колотъя и в бокахъ имѣл и удушие и тоску в грудех... XVI–XVII вв.*), ‘тошнота, отвращение’ (с XVII в.). Грамматически же отличающееся др.-рус. *тъскъ* (*тоскъ*), отмеченное в значении ‘поспешность’ (с XV в.), не связано с обозначением чувств, эмоций человека, как и производный глагол *тоскнуться*, известный в значении ‘спешить, торопиться’ (с XV–XII–XIII вв.), ‘стараться’ (с XII в.), ‘стремиться к чему-л.’ (с XV в.), а укр. *тоск, тоскá* ‘боязнь, давленность’, *тоскнути* ‘тужити’ [8. С. 68; 9. С. 977]. Близки им по семантике другие производные с корнем *тиц-* (*тъщ-*): *тицати* ‘принуждать, побуждать, торопить’ (с XI в.), *тицатися* ‘торопиться, спешить’ (с XI в.), ‘стремиться’ (с XI в.), *тицанный* ‘поспешный, торопливый’ (с XV в.), ‘усердный’ (с XII в.), ‘желанный, вожделенный’ (с XII в.), *тицивый* ‘пустой, малодушный’ (с XI в.) и *тицивъ* ‘быстрый, стремительный’ (с XV–XIII в.), ‘усердный’ (с XII в.) [8. С. 240–241]. Таким образом, семантическое поле словообразовательного гнезда с корнем *тиц-* в древнерусском языке обнаруживает практически противоположные значения ‘пустой, тщетный’ и ‘усердный, тщательный’ (не похожие на энантиосемио!) и дополняется семантикой тоски / печали (поскольку *тоск-* и *тиц-* рассматриваются как фонетические варианты исторически одного корня).

Анализ проблемы. Смешение значений ‘пустой, опустошать’ и ‘спешить, торопить, стремиться’, ‘усердный, старательный’ у производных корня *тъщ-* отмечается еще в старославянском (*тъшить / тъщь* ‘пустой,’ ‘тщетный, ничтожный’, ‘голодный, жаждущий’ и *тъщиwъ* ‘скорый, усердный’, *тъщиwъ* ‘малодушный’, *тъщъно* ‘поспешно, усердно, ревностно’, *тъщати* сл. ‘спешить, стараться, стремиться’ и др.) и болгарском (*тицан* (устар.) ‘усърдие, старание’, *тицелен* ‘грижовен, старательен’) [10. С. 534–537];

11. С. 720]. След подобного смешения семантики отмечен и в словенском языке: для словен. *'naščet* ‘тяготеть, стремиться к чему-л.’ допускается сопоставление с *páščiti se* ‘трудиться, стараться’, др.-рус. *натьць* ‘сильно желаемый, завидный’, рус. *тищиться* (<*t̥sk-) [12. С. 74]. Для древнерусского в этой ситуации вероятно влияние старославянского, но в старославянском есть только производные корня *t̥šč-* и нет следов производных с корнем *t̥sk-*, соответственно, нет и «встречи» значений ‘спешить, стремиться’ и ‘усердный, старательный’ со значением ‘тоска, печаль; тосковать’! [7. С. 1007]. Понятие «тоска» в старославянском выражается словами *тѣжа*, *тѣжениѥ* ‘подавленность, тоска, мука’ и ‘затруднение, трудность, тягость’ [Там же. С. 563].

Материал древнерусского и старославянского, болгарского, словенского ставит вопрос: как, в результате чего возникло такое смешение значений? В других славянских языках это явление не отмечено. Так, например, производное **t̥sk-* с.-хорв. *tǎšit* (*tašt*) ‘тщетный, пустой, суэтный’, ‘ничтожный’ связано только с обозначением чего-л. пустого, ничтожного, а производные *tič-/-t̥šč-* продолжают эту семантику – ‘пустой, опустошать’ → ‘нанести убыток, вредить’: *штёта* ‘убыток, потеря, ущерб, вред, порча’, *штётити* ‘вредить, портить, наносить ущерб’ (4. С. 413, 446; 13. С. 933, 1087–1088), понятие «тщательный» выражается лексемами *брїжъив*, *савестан*, *়акуратан*, ‘старателъный’ – *марљив*, *врёдан*, *брїжъив*, рус. *тищиться* соответствуют с.-хорв. *настојати*, *трӯдити се* [12. С. 871]. То же наблюдается в западнославянских: выражение понятия «тщательный, старательный» не связано с производными корня *tič-/-t̥šč-* (чеш. *pečlivý*, *bedlivý*, *důkladný*, слвц. *starostlivý*, *dôkladný*, польск. *dokładny*, *rzetelny*, *staranny* etc.) [14. С. 411; 15. С. 651]. Отсутствие рассматриваемого смешения семантики у производных *tič-/-t̥šč-* еще и в украинском, белорусском дает основание видеть в данной ситуации в древнерусском след влияния старославянского языка, а как зону возникновения этого влияния – часть южнославянских языков (диалектов), прежде всего территории распространения древнеболгарского (старославянского).

Разгадку возникновения сближения понятий «тоска» и «стеснение, давление» подсказывают чеш. *tíseň* ‘нужда, недостаток’ и ‘подавленность, тоска’ (*padá na mne tíseň*), словац. *tes(k)ny* ‘тесный; плотный, близкий’, *tiesnit* ‘теснить’, ‘тяготить, удручать’, *tiesen* ‘тоска, подавленность’, ‘нужда’, производные от *těs(k)n-* ‘тесный’, и, кроме того, с.-хорв. *teskòba* (*tjeskòba*) ‘теснота’, ‘тоска, печаль’, *těskoban* ‘тесный’ и ‘тоскливы, печальный’, образованные от *tijesan* (*těsan*) ‘тесный, узкий’ [3. С. 527; 4. С. 473–474; 16. С. 853; 17. С. 659]. И бесспорным аргументом сближения в западнославянском ареале понятий «теснить» и «тщательный, старательный» выступают в чешском языке производные прилагательного *úzký* ‘узкий, тесный’, *úzkost* ‘тоска; тревога; страх, боязнь’ (*plný úzkosti o koho* ‘полный страха за кого’), *úzkostlivě*, *úzkostně* ‘тщательно’, *úzkostlivost* ‘чрезмерная добросовестность, щепетильность, аккуратность’, *úzkostlivý*, *úzkostný* ‘(человек) чрезмерно, слишком добросовест-

ный; щепетильный’, ‘(возглас) испуганный, тревожный’ [16. С. 938].

Основания для такого семантического перехода не вызывают вопросов, поскольку очевидна связь понятий ‘теснить’ и ‘угнетать, мучить, давить;», ср. в старославянском, где *těsnъ* (*těskънъ*) ‘тесный, узкий’ и ‘гнетущий, тягостный’, *těsnити* ‘теснить, угнетать, мучить’, *těskъ* ‘пресс (виноградарский)’ [10. С. 556–557], как и рус. *притеснять, стеснить кого-то, тоска душит, давит, теснит душу* (но нет однокорневого обозначения для понятия «тоска!»), чеш. *tísniti* ‘теснить’, *tísnivý* ‘гнетущий, тягостный’. Вариативность *těsn-/těskn-* неслучайна, следствие исходного праслав. **těsknъ*, как предполагается, родственного **tiskati* [3. С. 527; 4. С. 473–474; 5. С. 51; 17. С. 659; 18. С. 174]. Кроме того, в чешском языке «встретились» в близком значении производное **t̥sk-* (в ступени продления) *stýskati si* ‘жаловаться; скучать, тосковать’ (подобно и в.-луж. *styskać so*, н.-луж. *styskać se* ‘тосковать’) с производными от **těsk-*: **tisk-*, такими как *stisk* (*ruký*), *stísňost* ‘удрученность, подавленность, тоска’, *stísňený* ‘подавленный, удрученный; тяжелый’. Вероятно, западнославянское влияние можно видеть в русинском *туск* ‘тоска, хандра’, *тускны* ‘тоскливы, тусковати’ ‘тосковать’ (*Тобі чогось тускно стало*) [19. С. 122].

Убедительность сделанного выше предположения о собственно славянском ареальном явлении снижает вопрос: а только ли славянская это модель номинации (обозначение тоски через признак физического сжатия, сдавливания)? Материал номинации собственно славянский, но не может ли это быть семантической калькой иноязычных моделей, европейских языков, с ранних времен оказывавших влияние на формирование славянской лексики? Поскольку речь идет о западнославянских языках и западной части южнославянских языков, то уместно обратиться к языку культуры всей Европы – латинскому. И действительно, в латинском языке есть глагол *ango*, *angere* ‘сжимать, сдавливать; стеснить, тревожить, мучить, удручать’, имеющий однокорневые образования и заимствования в славянских языках, а в семантической структуре его производного соседствуют обозначения стеснения и тоски: *angor*, *angōris* ‘стеснение, давление, сжимание; стеснение сердца, тоска’ [20. С. 72].

Выводы. Таким образом, есть основания предполагать возникновение сближения понятий «тоска» и «стеснение, давление» под влиянием латинской лингвокультуры в ареале западнославянских языков (откуда импульс в южнославянские языки, ср. с.-хорв. *teskoba*), что отразилось в семантике производных **těsk-/ *tisk-* (‘тоска’ и ‘подавленность’; ‘тесный’ и ‘тоскливы, печальные’)) и производных корня **uzk-*. Вероятно, с дальнейшим распространением в устной речи такого осмыслиения тоски в восточную часть южнославянского ареала следует связывать контаминацию у производных с корнем *tič-/-t̥šč-* семантики ‘пустой, тщетный’ и ‘теснить, стремиться’ (→ ‘старателъный, тщательный’). Если контаминацию в семантической структуре производных корня *tič-/-t̥šč-* древнерусского, старославянского, болгарского, словенского можно таким образом объяснить, то остается неясным характер сло-

вообразовательной связи праслав. *tъšč- и *tъsk-. Дело в том, что праслав. *tъšč- и его балто-индо-иранские соответствия восходят к основе с палатальным -k- (литов. tūščias ‘пустой, бесплодный’, авест. taoš- (*toušio-) ‘пустой, быть пустым’, др.-инд. tucch(y)á ‘пустой, ничтожный, суэтный’ и др. < и.-е. *tus-sk’iō- [4. С. 446; 5. С. 90–91; 6. С. 254–255; 7. С. 1008; 21. S. 1085]). И в

этом этимологическом гнезде нет производных от корня с непалатальным -k-. Учитывая тот факт, что форма с непалатальным первична по отношению к претерпевшей палатализации, задаемся вопросом: как, в результате чего у корня *тиц-* появился вариант *тьск-* в восточно- и западнославянских языках? Ответа на этот вопрос у нас нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и pragmatики. М. : Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
2. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М. : Гнозис, 2008. 374 с.
3. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
4. Skok P. Etimologijiski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Kn. 1–3. Zagreb, 1971–1973. Kn. 3.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1973. Т. 4.
6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Русский язык, 1994. Т. 2.
7. Etymologický slovník jazyka staroslavenského / Hlavní redaktorka Ilona Janyšková. Tribun EU, 2014. Č. 17.
8. Словарь русского языка XI~XVII вв. Вып. 30. / гл. ред. Р.Н. Кривко. М. ; СПб. : Нестор-История, 2015.
9. Желеховский Е., Недільський С. Малоруско-німецький словар. Львів : Lemberg, 1886. Т. 2.
10. Словарь старославянского языка : в 4 т. Репринт. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. Т. 4.
11. Божков Д., Велчев В., Влахов С. и др. Русско-болгарски речник. 2-е изд., прераб. / под ред. на С. Влахов, Г.А. Тагамлицка. София : Наука и изкуство, 1985. Т. 2.
12. Куркина Л.В. К этимологии словенских лексических диалектизмов // Этимология, 2000–2002. М. : Наука, 2003. С. 64–77.
13. Сербско-хорватско-русский словарь: ок. 50 000 слов / сост. И.И. Толстой. М. : ГИС, 1957. 1168 с.
14. Русско-чешский словарь / под ред. Л.В. Копецкого, О. Лешки. Москва; Прага, 1978.
15. Доротякова В., Филкусова М., Коллар Д. и др. Русско-словацкий словарь: ок. 50.000 слов. М. : Русский язык; Братислава : Словац. пед. изд-во, 1989. 747 с.
16. Česko-ruský slovník. 3., opravené vydání / za hlavní účasti E. Melníkova, Z. Šromové, M. Martinkové. Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1968. 1242 c.
17. Reizek J. Český etymologický slovník. Praha : Leda, 2001.
18. Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2000. T. 2.
19. Дронова Л.П. Понятие «тоска / печаль» в русинском языке: историко-ареальные связи // Русин. 2018. № 2 (52). С. 118–125.
20. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Ок. 50 000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 1976. 1096 с.
21. Pokorný J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 июля 2019 г.

Blending in the Semantics of the Old Russian *T”ska*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 449, 23–26.

DOI: 17223/15617793/449/3

Lyubov P. Dronova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lpdronova@mail.ru

Keywords: blend; Slavic languages; concept “toska”.

The article focuses on the functional and semantic features of the lexeme *toska* and its supposedly same-root derivatives in Old Russian and Russian. The semantics of this field of lexis is related, on the one hand, to the designation of an important human emotion of melancholy/sadness, and, on the other hand, to the concept “empty; vain; futile” and the non-correlated concepts “hurried, quick”, “constraint, pressure” and “accuracy, care”. The analysis of the problem is based on the material of all Slavic languages having same-root formations. It has been determined that the derivatives of the root *t”sk- related to the designation of melancholy/sadness are represented only in East and West Slavic languages. It has been found that, in West Slavic languages, they designate only the feeling of melancholy/sadness (Czech *stesk* “melancholy, sadness”, *teskný* “sad, plaintive”, Old Polish *teskny* “sad, plaintive”, etc.). The functional and historical-etymological analyses have broadened the analysed materials. The matter is that etymological sources generally link the derivatives of *t”sk- to the same etymological group of words as the derivatives of the root *t”šč- (< *t”sk-j-), cf. V. Machek., M. Vasmer, Ya. Chernykh, and others. Formations with the root *t”šč- are widely known in all Slavic languages with the meaning “empty; vain; futile” (cf. Russian *toshchiy*, *tshcheta*, *tshchetnyj*, their analogues in other Slavic languages). The semantics of the derivatives of this root in Old Slavonic (and isolated cases in Bulgarian and Slovenian) reveals, as in Old Church Slavonic Old Russian, the correlation of the concept “empty; vain; futile” with the concepts “strive”, “hurried, quick” and “accuracy, care”. The consideration of the complex semantic relations between the derivatives of the root *t”sk- and *t”šč- (primarily in Old Russian) has lead to the conclusion that the approximation of the concepts “melancholy/sadness” and “constraint, pressure” originated under the influence of the Latin linguistic culture in the West Slavic area (with subsequent propagation to South Slavic languages, cf. Serbo-Croatian *teskoba*), which was reflected in the semantics of the Czech and Slovak derivatives *těsk-/*tisk- (“melancholy/sadness” and “depression”; “tight” and “melancholic, sad”, cf. Czech *tíseň* “need, lack” and “depression, melancholy/sadness”, Slovak *tiesen* “melancholy/sadness”, “depression”, “need”) and derivatives of the root *uzk- (Czech *úzký* “narrow, tight” – *úzkost* “melancholy/sadness; anxiety; fear, dread”, *úzkostlivý*, *úzkostný* “(of a person) too accurate and careful; meticulous”). It is probable that semantic blending in the derivatives with the root *t”šč- (“empty, futile” and “constraint, strive” → “careful, meticulous” < *těs(k)n-: *tisk-) is connected with the further extension of this understanding of melancholy/sadness into the Eastern part of the South Slavic area.

REFERENCES

1. Wierzbicka, A. (2001) *Sopostavlenie kul’tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparing Cultures Through Vocabulary and Pragmatics]. Translated from English. Moscow: Языки славянской культуры.
2. Krasavskiy, N.A. (2008) *Emotsional’nye kontsepty v nemetskoy i russkoy lingvokul’turakh* [Emotional Concepts in German and Russian Language Cultures]. Moscow: Gnozis.

3. Machek, V. (1957) *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd.
4. Skok, P. (1971–1973) *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Kn. 1–3. Kn. 3. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
5. Vasmer, M. (1973) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 4. Moscow: Progress.
6. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennoj russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: In 2 Vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
7. Janyšková, I. (ed.) (2014) *Etymologický slovník jazyka staroslavěnského*. Tribun EU. č. 17.
8. Krivko, R.N. (ed.) (2015) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Is. 30. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
9. Zhelezkovskiy, E. & Nedil'skiy, S. (1886) *Malorusko-nimets'kiy slovar'* [Little Russian-German Dictionary]. Vol. 2. Lviv: Lemberg.
10. Alekseev, A.A., Gerd, A.S. & Gaupova, Z. (2006) *Slovar' staroslavjanskogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Old Slavonic Language: In 4 Vols]. Vol. 4. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
11. Bozhkov, D. et al. (1985) *Rusko-bulgarski rechnik* [Russian-Bulgarian Dictionary]. 2nd ed. Vol. 2. Sofiya: Nauka i izkustvo.
12. Kurkina, L.V. (2003) K etimologii slovenskikh leksicheskikh dialektizmov [On the Etymology of Slovenian Lexical Dialectisms]. In: Varbot, Zh.Zh. et al. (eds) *Etimologiya, 2000–2002* [On the Etymology of Slovenian Lexical Dialectisms]. Moscow: Nauka. pp. 64–77.
13. Tolstoy, I.I. (1957) *Serbsko-khorvatsko-russkiy slovar': ok. 50 000 slov* [Serbian-Croatian-Russian Dictionary: C. 50,000 Words]. Moscow: GIS.
14. Kopetskiy, L.V. & Leshki, O. (eds) (1978) *Russko-cheskij slovar'* [Russian-Czech Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk; Prague: Gosudarstvennoe pedagogicheskoe izdatel'stvo.
15. Dorot'yakova, V. et al. (1989) *Russko-slovatskij slovar': ok. 50.000 slov* [Russian-Slovak Dictionary: C. 50,000 Words]. Moscow: Russkiy yazyk; Bratislava: Slovats. ped. izd-vo.
16. Melníkova, E., Šromové, Z. & Martinkové, M. (eds) (1968) *Česko-ruský slovník*. 3rd ed. Praha: Statní pedagogicke nakladatelství.
17. Reizek, J. (2001) *Český etymologický slovník*. Praha: Leda.
18. Bańkowski, A. (2000) *Etymologiczny słownik języka polskiego*. T. 2. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN.
19. Dronova, L.P. (2018) The concept “melancholy/sadness” in the Rusin language: historical and areal links. *Rusin.* 2 (52). pp. 118–125. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/9
20. Dvoretzkiy, I.Kh. (1976) *Latinsko-russkiy slovar'. Ok. 50 000 slov* [Latin-Russian Dictionary. C. 50,000 Words]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
21. Pokorný, J. (1959) *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: A. Francke.

Received: 01 July 2019